

Роман с книгой

Директор Национальной библиотеки – о новых технологиях в читальных залах, сложностях замены стекол «бриллианта» и своих сенокосах

2017-й объявлен годом 500-летия белорусского и восточноевропейского книгопечатания. Мероприятия по этому поводу уже вовсю идут по стране и за ее пределами. Основные же действия запланированы на осень. В Национальной библиотеке состоится международный конгресс и масштабная выставка. Обещают множество зарубежных гостей и уникальных экспонатов. Пять столетий назад о такой роскоши Франциск Скорина и мечтать не мог. А чем же сегодня живет Национальная библиотека и каким видится ее будущее? Об этом и многом другом мы поговорим с человеком, который возглавляет ее почти пятнадцать лет. У нас в гостях доктор педагогических наук, профессор Роман Мотульский.

15 лет назад Роман Степанович пришел в библиотеку, оставив должность декана факультета БГУКИ. Фото Артура Прупаса

Все, как в Оксфорде и Кембридже

– Роман Степанович, часто, проезжая мимо Национальной библиотеки, слышу разговоры людей, дескать, зачем отгрохали такое здание, оно ведь никому не надо? И правда, когда иду сюда, не вижу вереницы людей, штурмующих читальные залы. Что ответите?

– Большие очереди, ограничения на вход, борьба за стул в читальном зале – все это было... в старом здании. Новое здание для того и строили, чтобы в нем было просторно,

уютно и комфортно работать. Но даже в первые годы работы в новом здании наши залы были переполнены, и мы делали все для того, чтобы наши пользователи могли получить нужную им информацию как можно быстрее и в удобной «сервисной упаковке». Для этого продолжали совершенствовать подходы к организации обслуживания пользователей.

Переполненные читальные залы – символ, иллюстрирующий читающую нацию в прошлом, в современном мире может восприниматься и иначе. Как технологическая отсталость. За то время, что прошло после строительства библиотеки, информационные технологии, и мы вместе с ними, продвинулись намного вперед. А количество читателей по сравнению с тем, что было в старом здании, увеличилось у нас примерно в десять раз. Дело в том, что мы сейчас ставим перед собой иную задачу.

Например, когда я пришел на должность директора в Национальную библиотеку, которая находилась еще по старому адресу, моей мечтой было купить хотя бы один ксерокс. В-первых, надеялся, что читатели наконец-то перестанут вырезать из наших книг очень нужные им страницы, а во-вторых, оказывая такую услугу, мы хоть немного поправим свое финансовое положение. В итоге создали целый полиграфический цех. В год мы печатали более двадцати тысяч книг, это если посчитать все эти отксерокопированные листочки. И уже тогда можно было говорить, что сделали шаг вперед: люди не тратили время на переписывание. А это не самое прекрасное времяпрепровождение, я вас уверяю как человек, проведший в читальном зале не один месяц и даже не один год. Мы сэкономили время читателей: люди уже не сидят в библиотеке днями, а быстро получают необходимую информацию и работают с ней дома, в вузе, на своем рабочем месте – там, где им удобнее. Потом мы внедрили электронную технологию удаленного доступа к базам данных. То, что есть в Оксфорде, Кембридже, Всемирном банке и других научных и образовательных центрах мира, есть и у нас. Посетитель может пользоваться этими ресурсами в читальном зале или скопировать их фрагменты и унести домой на флеш-карте или другом удобном для него носителе. В результате услуги по ксерокопированию стали мало востребованы. Это еще один шаг вперед, который экономит время и деньги пользователей и делает наши научные разработки и образовательные услуги более дешевыми.

Отныне в библиотеке конгресса США есть факсимильное издание «Книжное наследие Франциска Скорины»

Но мы пошли еще дальше. Реализовали технологию виртуального читального зала и электронной доставки. Сейчас практически любую информацию, которая есть в нашей библиотеке, можно получить, не посещая ее. Скажу вам больше, многие даже не догадываются, что пользуются услугами нашей библиотеки, находясь на самых разных информационных ресурсах. И скажите, что есть лучше: когда человек мгновенно, находясь на другом конце планеты или просто у себя дома, получает информацию в нужном ему виде или когда он едет в читальный зал за несколько километров и сидит там часами?

– Звучит убедительно, но, на мой взгляд, здесь вырисовывается другая проблема: с появлением современных технологий отпадает необходимость в таком большом количестве кадров, как у вас. Значит, идет оптимизация штата?

– Мы постоянно меняем структуру и назначение сотрудников. Наша библиотека имеет миссионные функции, которые видны на расстоянии и через столетия. Например, мы занимаемся сбором и хранением национального документа, формированием национальной библиографии. И надо понимать, что если мы на экране видим какую-то информацию, это не значит, что она там появилась из воздуха – ее кто-то туда положил.

Один экземпляр вместо двадцати

– Хочу спросить вас про оцифровку документов. Этой работой вы занимаетесь уже много лет, но почему получается так, что некоторых книг по-прежнему нет в электронном

варианте?

– Весь мировой поток документов можно разделить на две части: национальные, те, что производим мы – жители Беларуси, и те, что производит весь остальной мир. Так вот на те, что производим мы, имеем определенные права как на интеллектуальную собственность. Если же начнем цифровать и копировать чужое, это, мягко говоря, уголовное преступление. И, в принципе, никто в мире на это не идет. Мы приобретаем около 150 баз и банков данных всего мирового информационного пространства и фактически закрываем научные и образовательные потребности наших пользователей.

Вторая часть вопроса – национальные документы. Мы ответственны за них в мировом пространстве. В нашей электронной библиотеке сейчас более 450 тысяч самых различных копий документов. Только музыки у нас оцифровано столько, что ее три года можно слушать без перерыва. Это в первую очередь документы исторического и культурологического плана, например, те же редкие книги Скорины, те же «Губернские ведомости», газета «Наша доля» и так далее. Есть закон об авторском праве и интеллектуальной собственности, который не позволяет прикасаться к произведению ранее чем через 70 лет после смерти автора. Это мировая проблема, и она не так проста, как кажется на первый взгляд. Незаконно выставленный документ в общественное пользование влечет за собой даже не административное, а уголовное наказание. И, к слову, у нас в Беларуси уже прошло несколько судебных процессов, в которых авторы защитили свои права на результаты своей творческой деятельности от недобросовестных издателей и других организаций. Мы изначально вели себя корректно, поэтому иногда и приходится слышать: «Как такая большая библиотека не имеет у себя в электронном варианте произведения того или иного автора?». Просто мы соблюдаем правовые нормы. И, кстати, неоднократно получали награды международных центров за соблюдение законодательства в области авторского права и интеллектуальной собственности, и это дает нам очень большие дивиденды как в социальном, так и в финансовом плане. Например, мы были первой национальной библиотекой, которой Мировой центр патентной информации передал доступ к своим ресурсам. Только за то, что мы порядочные люди.

Президент Литвы Даля ГРИБАУСКАЙТЕ была восхищена нашей библиотекой. Фото БЕЛТА

Я проводил эксперимент на себе: автор Мотульский пытался договориться с директором Мотульским за один рубль передать права на все публикации. И в рамках существующего правового поля эту дорогу нам пройти полностью не удалось, хотя мы консультировались со всеми, с кем только могли.

– Один экземпляр, будь то книга или газета, изданный в Беларуси, обязательно поступает к вам в библиотеку. На сколько лет хватит еще места для их хранения?

– Этот вопрос нас с вами точно может не волновать. На ближайшие пятьдесят лет есть резерв хранилища. Это с учетом тех технологических процессов, о которых я говорил. Если десять лет назад библиотека приобретала двадцать экземпляров учебной литературы, чтобы удовлетворить потребности студентов, то сегодня в этом нет необходимости. Есть электронный ресурс, который дает возможность пользоваться десяткам людей одновременно. Поэтому мы берем себе лишь один экземпляр.

При строительстве библиотеки объем фондохранения закладывался на уровне 14–15 миллионов единиц. Сейчас эти площади заняты госархивом, историческим музеем, то есть они не пустуют. По мере того как мы будем развиваться, будем и выселять наших квартирантов.

Здание простоит пять веков

– Вы часто бываете в командировках. Расскажите, как сегодня работают зарубежные библиотеки, чему нам еще надо поучиться? Или, может, мы делимся своим опытом?

– На самом деле у нас высокий статус среди национальных библиотек мира. На просторах СНГ мы являемся бесспорным технологическим лидером. Это такая школа передового опыта, куда постоянно приезжают учиться, перенимать наши наработки. Но это не значит, что мы загордились и смотрим на всех свысока. Жить в этом мире можно только во взаимодействии. Если не обмениваться с коллегами новыми подходами, взглядами, то из передовиков очень быстро можно оказаться в последних рядах. Это бесконечный взаимный процесс. Поэтому мы что-то заимствуем у коллег, например, в вопросе развития системы электронной библиотеки, в продвижении в облачные технологии. К нам же приезжают за концептуальным технологическим решением постройки нового здания библиотеки будущего, за новыми подходами в организации социокультурной деятельности и так далее.

– Наверняка коллеги из других стран интересуются проблемами в эксплуатации такого суперсовременного здания: например, как заменить лопнувшее стекло.

– Напомню, площадь нашего здания немногим более одиннадцати гектаров. Это такой европейский коттеджный поселок из тысячи домов. Поэтому сказать, что проблем здесь нет, было бы неправдой. Хотя должен отметить, что здание очень хорошо спроектировано, оно прошло множество экспертиз и каких-то глобальных проблем через десять лет ввода в эксплуатацию не создает. Может быть, и потому, что мы, эксплуатирующая организация, работали в тесном взаимодействии со строителями. Можно сказать, заглядывали в каждую щель, разбирались, что к чему. Что называется, это здание мы знали еще до рождения, поэтому особых сюрпризов для нас не было. Но есть особенности. Мы владеем уникальным оборудованием, которое есть в стране только в одном экземпляре. Например, лифт, ведущий на смотровую площадку. Он изготовлен финской компанией специально для нас, и если у него что-то сломалось, то нельзя взять такую же детальку из другого лифта и быстро починить. А здесь, как вы понимаете, очень сложно прогнозировать, что и где сломается, чтобы заблаговременно заключить контракт на поставку того или иного элемента. Поэтому мы периодически сталкиваемся с определенными проблемами.

Про стекла. Сейчас появилось много высотных зданий, поэтому особых проблем в их обслуживании нет. Но у нас здание необычной формы – «бриллиант» на подиуме, который находится очень далеко от внешних стенок первого этажа. Поэтому нельзя просто подогнать машину, поднять кран и выполнить все работы: стилобат не позволяет вплотную подъехать к самому «бриллианту». Поэтому далеко не каждая компания может обслуживать наше здание, здесь нужна специальная техника. Но в целом мы сжились с этим строением, и уже ничего необычного для нас здесь нет.

– Одна из последних новостей, пусть и связанная с Национальной библиотекой не напрямую, а косвенно, которая взбудоражила общественность, – начало неких строительных работ рядом с ней. Тогда поползли слухи, что это может негативно

сказаться на вашем стеклянном здании. Так насколько прочно оно стоит? И, кстати, сколько лет вообще оно может простоять?

– Можно подняться на смотровую площадку и увидеть, что кругом продолжается стройка. Дискуссии между архитекторами и строителями тоже продолжаются, насколько я знаю. Но дело в том, что есть организация, которая наблюдает за нашим зданием с момента его создания. И делает это не только, чтобы обеспечить нашу жизнедеятельность, но и с целью получения опыта в эксплуатации такого необычного объекта. Мы изнутри обвешаны многочисленными датчиками, которые и передают информацию о поведении строения. И отклонений от нормативов не зафиксировано, сигнала тревоги от тех, кто наблюдает за зданием, не поступало. Вместе с тем стройка ведется не на территории нашей библиотеки, и мы юридически никак не можем влиять на ситуацию, которая происходит буквально в ста метрах от нее. Но мы всегда высказываем одну точку зрения: библиотека является символом нашей страны, и никакие сиюминутные строительные проекты не должны это перечеркнуть, наоборот, необходимо сделать все возможное, чтобы их внешний вид был приятен не только жителям Минска, но и гостям. Кстати, мы много раз были победителями конкурсов селфи в инстаграм и других соцсетях – для туристов это очень привлекательный объект. К слову, здание построено крепко и надежно. Срок его эксплуатации – 500 лет.

Наука как отдушина

– Какие вопросы вам приходится решать чаще: научные или хозяйственные?

– Однозначно ответить сложно. Это многофункциональное здание. Здесь и смотровая площадка, и Президент-центр, и физкультурно-оздоровительный комплекс, поэтому на определенных этапах какая-то из этих тем становится актуальнее. Конечно, когда идет речь о подготовке к мероприятиям с участием высших должностных лиц, тогда все внимание в этом направлении. Или вспомним чемпионат мира по хоккею в 2014 году, когда всем гостям захотелось посмотреть на Минск с высоты птичьего полета и смотровая площадка стала самым популярным в городе местом. Тогда занимались в основном ею. В этом году 500-летие белорусского книгоиздания, поэтому очень много внимания научному аспекту: осенью организуем крупный международный конгресс и выставку. Словом, приходится быть одновременно и строителем, и бухгалтером, и архитектором, и книговедом – скучать некогда.

– В этой суете есть время на собственные научные работы?

– Это моя отдушина, смысл жизни, психотерапия – называйте как хотите. Иногда действительно хочется уйти от хозяйственных забот, счетов, бюджетов и окунуться в совсем иной мир. Например, вернуться на пятьсот лет назад к Скорине и хоть несколько часов пожить в его времени. Чаще это случается вечером или в выходной день. Все психологи настоятельно рекомендуют переключаться на другие дела, я стараюсь следовать этому. Не представляю себя без научной работы.

– А время на художественную литературу у вас есть?

– Время и деньги – это те ресурсы, которых всегда не хватает. Просто надо научиться правильно их распределять, и тогда можно счастливо жить в этом мире. Поэтому художественная литература у меня всегда вечером перед сном. Читаю хорошую фантастику, сейчас закончил трилогию Мураками «1Q84». Бывает, параллельно читаю несколько книг. Вот сейчас снова вернулся к изданному нами же сборнику пьес белорусских драматургов к юбилею Скорины. Интересно узнать, как современные авторы видят эпоху.

Отец – личный пример

– Роман Степанович, все-таки профессия библиотекаря – дело женское. Мальчишки обычно грезят космосом, армией и тому подобным. Что толкнуло молодого человека в эту профессию?

– Космонавт, подводник, полярник – все это было в детских мечтах и взялось именно из книг. Чем эта профессия привлекла? Тем, что был личный пример – отец работал библиотекарем. Он по этому поводу не комплексовал, наоборот, был очень уважаемым человеком. Поэтому я не считал эту профессию необычной для мужчин. Правда, до сих пор помню фразу секретаря приемной комиссии в училище: «Хотите быть единственным мужчиной на курсе?» Я тогда вообще не понял ее вопроса. Осознал его значительно позже.

Большая семья Романа МОТУЛЬСКОГО в сборе

– Признайтесь, и жену нашли в этом цветнике?

– Девушек, с которыми я учился, считал коллегами, соратниками, но никак не предметом мужского внимания. С супругой познакомился в стройотряде. Собирали овощи и фрукты в Ставропольском крае. Тогда формировали большие отряды из разных вузов, вот там я и заметил красивую девушку из педагогического института. Буквально через полгода мы и поженились. Жена у меня дефектолог.

– Первое рабочее место помните?

– Моя карьера начиналась с подвалов Национальной библиотеки, где размещалось фондохранилище. В старом здании мест в хранилище не хватало, и там была такая нескончаемая работа, как передвижка фондов – исключительно мужской труд. Появлению в хранилище мужчины женщины-коллеги очень обрадовались. Вскоре я ушел в армию, а вернулся оттуда в отдел комплектования, скажем так, в библиотечную элиту, где тоже проработал совсем немного. Очень хотел заниматься наукой, но в то время из библиотеки нельзя было поступить в аспирантуру, только из учебного заведения. Поэтому я перешел на понижение – в библиотеку института культуры, зато это дало мне возможность поступить и учиться дальше.

– Неужели никогда не было сожаления о выбранной профессии? Ведь материальная составляющая для главы семейства очень важна.

– Скажем так: профессия меня никогда не обижала. Я начинал с зарплаты в 105 рублей, и у нас тогда уже был ребенок. Конечно, на такие деньги было жить невозможно. Тогда я и решил двигаться дальше, идти в науку. Став кандидатом наук, понял, что в этой профессии тоже можно зарабатывать. Правда, как шутил один мой друг, только человеком стал – перестройка началась. И я так и не успел разжиться на кандидатской зарплате. Но с перестройкой открылись новые возможности. Я был одним из первых в Беларуси, кто стал выигрывать различные гранты международных фондов, и таким образом заимел возможность продолжить образование и получить опыт в учебных заведениях и библиотеках Европы. Так я оказался в Институте Гёте в Германии, совершенствовал там свой немецкий язык, а потом стажировался и преподавал в Высшей библиотечной школе в Штутгарте и в Ягеллонском университете. То есть в те тяжелые времена, когда люди возили белорусский трикотаж в Польшу, чтобы как-то выжить, я стажировался за границей и благодаря этому содержал семью и оставался в профессии – преподавал в университете, писал книги и статьи.

Коса – лучший тренажер

– Детей в профессию не толкали?

– По сути, сын и дочка тоже занимаются обработкой информации. Правда, немного на другом уровне – они айтишники, специалисты в области компьютерных технологий. Выбор сделали самостоятельно. Думаю, во многом увлечение сына определило то, что я был первым преподавателем в институте культуры, у которого дома был свой компьютер. Это как раз результат первой поездки в Германию. Замечу, что он мне был нужен не для игрушек, а для написания научных работ. Сын, кстати, тоже не увлекался стрелялками, его интересовали вещи посерьезнее. Бывало, возвращаюсь с работы, а компьютер разобран. Поэтому вскоре мы решили разделить наше хозяйство и купили ему свой компьютер, с которым он делал, что хотел. В итоге поступил в БГУИР. Дочка у меня девочка упрямая, она всегда старалась не отступать от брата, поэтому пошла по его

стопам.

– Вы сказали, что научная работа – это ваша отдушина, но и от такого занятия ведь тоже надо отдыхать. У вас есть дача?

– В свое время я приобрел дом на хуторе. Это было запущенное строение, в котором никто не жил десять лет. Там рос бурьян выше крыши. Но мы никогда не рассматривали этот дом в качестве дачи. Три с половиной года строилась библиотека, это были очень тяжелые времена – ни праздников, ни выходных. И когда закончилось строительство, необходимо было переключиться на что-то другое. Это был совет и врачей, и друзей, и священнослужителей. Тогда я нашел этот заброшенный дом и стал ездить туда слушать соловьев, наслаждаться природой. Там старый сад, посаженный еще во время войны. Теперь уже я и сам там много насадил деревьев, в том числе декоративных: пихт, елок, березок и так далее. Это место психологической разгрузки.

Первым местом работы нынешнего директора была Национальная библиотека, которая тогда называлась Ленинской: сперва в фондохранилище, а затем в отделе комплектования

Не люблю спортивных залов. Куда лучше получать физическую нагрузку, выполняя какую-то работу. Есть у меня там большой луг, который держу именно как тренажер. Утречком пройтись несколько покосов доставляет мне огромное удовольствие. А это ведь

еще и общение с природой, с землей. Все стрессы уходят.

– Сейчас в моде здоровый образ жизни, правильное питание. Придерживаетесь?

– Я люблю готовить. Но, как мы шутим, у жены получается правильная еда, а у меня вкусная. Я сторонник теории, что кушать надо все, но с чувством меры. Надо понимать: раз хорошо поел, это надо отработать. К тому же стараюсь соблюдать посты. Отлично понимаю, что отказ от определенных блюд в таких случаях не самое главное, куда важнее упорядочение мыслей, но отдых для организма, желудка тоже полезен. Этой методике тысячи лет, она прошла испытание временем.

Еще у меня есть лыжи и велосипед. На лыжах с удовольствием бегаю по лесу. Люблю и горные, благо сейчас вокруг Минска достаточно мест для этого увлечения. Это способ получить заряд адреналина. За рулем автомобиля не позволяю себе совершать резкие обгоны, а вот на горке отрываюсь. Летом сажусь на велосипед. Еще люблю подводное плавание. Там все иначе, релакс непревзойденный. Правда, для этого надо ехать на море.

– Если бы представилась возможность прожить жизнь заново, что бы вы изменили?

– В профессиональном плане ничего бы не менял. А вот в личном... Нашел бы больше времени, чтобы общаться с родителями. Это, к сожалению, уже никак не наверстаешь. Поэтому, у кого есть возможность больше общаться со своими родителями, не упускайте ее.